

УДК 801.73:811.161:811.162.3:811.111

КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВА КАК ОТРАЖЕНИЕ ОНТОГЕНЕЗА И ФИЛОГЕНЕЗА ЦЕННОСТИ И ЦЕННОСТНОГО ОТНОШЕНИЯ

**И. В. Чекулай
О. Н. Прохорова**

*Белгородский
государственный
университет*

*e-mail:
chekulai@bsu.edu.ru,
prokhorova@bsu.edu.ru*

В статье предлагаются такие важные философские категориальные основания выражения ценности в виде речевых оценочных произведений, как категории времени и пространства. Генезис ценностно-оценочных отношений представляет собой эволюционный процесс, протекающий во времени и в пространстве, где ценности накапливаются в ходе реализации оценочных высказываний и, в свою очередь, дают материал для качественного совершенствования средств оценки. Тем самым факторы времени и пространства как онтологические категории бытия имеют место на всех уровнях предметной категоризации объектов действительности и мысли. Категории времени и пространства, являясь в то же время и концептами, могут выполнять и метаоценочную функцию, т.е. являются категориально-предметной базой создания квалификативно-оценочных высказываний.

Ключевые слова: время, пространство, ценность, оценка, онтогенез, филогенез, метаоценочная функция.

Без преувеличения можно сказать, что оценка является необходимой составной частью жизни человека. Оценки пронизывают жизнь отдельного человека с младенческих лет до самой смерти, они являются своего рода его компасом или, скорее, навигационным комплексом, в плавании по бурному океану окружающей его естественной среды, артефактных предметов и других людей. Как корабль при помощи навигационного оборудования, человек при помощи оценочных суждений способен обходить мели и рифы природной стихии, использовать дары природы и изготовленные в ходе общественного производства вещи для успешного прохождения того жизненного фарватера, который открывается перед ним и изменяется с каждым шагом человека от исходной точки его плавания. И, пожалуй, самое главное назначение оценки состоит в том, что она помогает избегать столкновения, которое могло бы привести к гибели человека как метафоры корабля, с людьми – другими кораблями, совершающими такое же индивидуальное плавание в тех же навигационных условиях.

Статус оценки как философской категории не вызывает сомнения. Объектом философской аксиологии как составной части теории познания является ценность во всех её возможных проявлениях, важнейшим из которых является оценка, реализуемая в подавляющем большинстве случаев языковыми средствами.

Собственно говоря, изучение оценки и началось с рассмотрения её философами древности в качестве одного из фундаментальных свойств человеческого мышления, наряду с такими категориями философских изысканий, как «истина», «мысль», «сущность» и т.п. В дальнейшем проблемы аксиологии выходили за рамки общеправовых исследований, поскольку они не могли дать убедительного однозначного ответа на основной вопрос, касающийся данной категории – что же представляет собой оценка. Стало ясно, что изучение данной проблемы в отрыве от субъекта оценки – человека – неминуемо приведёт к тупиковой ситуации в данной области философской мысли.

В основе оценки как отражения взаимоотношений между мыслящим субъектом и мыслящими или не мыслящими объектами действительности лежит жизнедеятельность субъекта. Этот субъект руководствуется определенными (или зачастую не совсем определенными) мотивами, в связи с этими мотивами ставит перед собой определен-

ные задачи, планирует выполнение деятельности в целом или определенных действий как этапов в пределах более обширной деятельности. В ходе деятельности он сталкивается с различными лицами, существами, предметами, явлениями и т.д., которые можно объединить понятием объекта деятельности. Часть этих объектов субъект может использовать как инструмент (или средство) для выполнения стоящим перед ним в рамках определенной деятельности задач. К другим объектам (лицам) субъект может апеллировать в связи с общей ситуацией коммуникации, где, собственно говоря, и решается основная задача использования языковых и речевых средств. Не исключено, что лицо, упоминаемое в ходе коммуникации, непосредственно в ситуации общения участия не принимает, но по ходу предыдущих этапов жизнедеятельности это лицо известно как адресанту, так и адресату сообщения. Также является возможным присутствие в ситуации общения других лиц, и апелляция субъекта высказывания рассчитана не только на непосредственно адресата сообщения, но и на этих лиц. В лингвистической прагматике все эти факторы давно исследованы и не вызывают каких-либо дополнительных интерпретаций. Именно по той причине, что оценочное сообщение всегда рассчитано на иллокутивный эффект, оценочное значение зачастую идентифицируется как прагматическое значение. Но при этом обращает на себя внимание тот факт, что, какими бы различными ни были условия коммуникации по составу и роли коммуникантов, оценочные средства сохраняются в более или менее одинаковой форме экспликации. Так, словосочетание «хорошая книга» в устах определенного субъекта высказывания будет означать книгу, которую интересно читать *субъекту* независимо от того, что думают об этой книге другие участники речевого акта. Производя оценочное высказывание, субъект как бы навязывает свои взгляды, убеждения, волю, чувства, симпатии и антипатии аудитории независимо от ее количественного состава. Это показывает, что оценочное значение находится ни в плоскости прагматики и речевых актов, ни в плоскости денотативной номинации, оно находится между ними и тесно связано с каждым из них.

Отмечая природу ценности и её выражения в виде оценки как логико-философскую, было бы некорректно с философской точки зрения не обратиться к такому важнейшим онтологическим категориям, как время и пространство.

Как известно, время и пространство являются универсальными формами бытия, находящимися вне зависимости от субъекта познания. Тем самым они стоят в ином иерархическом порядке не только над субъектом ценностного и оценочного отношений и оценки, но и над объектами, представленными в мышлении концептами. Следовательно, они детерминируют особенности формирования и функционирования единиц языка и речи независимо от их мыслительно-категориального статуса. Этим и обусловлена их роль в формировании особенностей ценностной и оценочной категоризации [1: 115-116].

На концептоцентристском уровне познания объект сначала получает свой общекатегориальный статус в сетке временных и пространственных координат, а затем с этих же координатных позиций определяются его характеристики, описывающие общие, интегральные параметры категории семейного сходства. В то же время формируются его потенциалы ко взаимодействию с другими предметами, не входящими в данную концептуальную парадигму.

Субъект познания в этом случае находится вне фокуса субъектно-объектного отношения. Но он тоже, независимо от того, в какой форме он ассоциируется во внешнем мире (единичный или коллективный субъект), является обязательным фактором осознания и номинации концепта. В этом случае субъект рассматривается как абстрактная категория языкового социума, номинирующего объекты действительности и познания.

Потенциалы к парадигматическому и синтагматическому осмыслению концептов переводят их на следующий уровень пропозиционального отношения. На этом уровне намечаются потенциалы концептов к образованию семантических тематиче-

ских групп (в зависимости от подхода, их можно описывать в терминах лексико-семантических полей, групп, доменов, синонимико-антонимических рядов), а также потенциалы к синтагматической сочетаемости в модели порождения речи. Именно поэтому транспонированный из химии термин «валентность» как потенциальная возможность присоединять сущности иного онтологического плана представляется весьма удачным. В то же время субъект приобретает более четкие когнитивные очертания и перестает быть данностью фона, приобретая статус фигуры когнитивных операций. Вследствие этого центральный статус двух фигур (субъекта и объекта) обязательно выдвигает в фигуральный план пропозицию как отношение между этими фигурами.

На первый взгляд, сдвиг от реальности в сугубо релятивную сферу должен был бы затушевывать роль времени и пространства как факторов бытия. На самом деле субъект пропозиционального отношения является именно той силой, которая обостряет когнитивные характеристики онтологических категорий. Субъект всегда является либо социумом, либо частью социума, и существует в хронотопическом конгломерате. Даже если объекты имеют внешние характеристики, не привязываемые к определенному времени и пространству (например, *облако*, *ребенок*, *дерево*), то изначальные определители таких концептов остаются если не в ядре, то, по крайней мере, на периферии осознания их в качестве концептов. Например, *облако* представляется как непостоянная и не стабильная в координатном плане сущность. *Ребенок* понимается как определенный этап в жизни концепта *человек*, а *дерево* – как нечто, имеющее определенный срок своего существования.

Но в данном случае речь шла о концептах общечеловеческого плана. Если взять, например, артефакты, то они осмысливаются как еще теснее связанные с онтологическими параметрами бытия. Мы не берем экстремальные случаи. Но даже если взять концепт какого-нибудь обыденного артефакта (например, *ложка*), то для разных координатных точек в пределах мирового социума они будут иметь свои особые характеристики (например, европейская металлическая, традиционная русская деревянная, традиционная китайская фаянсовая). Тем самым концепты в ценностном отношении погружаются в особую временную и пространственную координатную сетку культуры. Следовательно, в ценностном отношении такие концепты получают свою культурную специфику бытия. Этим обусловлены и особенности прототипов денотативных концептуальных доменов. Например, прототип концепта *автомобиль* имеет разные параметры для разных культур. В культуре восточноевропейских стран это автомобиль среднего класса типа «Лады», для североамериканской культуры это комфортабельные гиганты типа «Доджа» и «Форда», для японского социума это экономичная малолитражка. Субъект познавательного отношения в этом случае несколько конкретизируется применительно к координатной сетке культуры, в принципе оставаясь абстрагированным, в то же время являясь основной движущей силой такого познавательного отношения.

На этом уровне концепты отождествляются с культурными ценностями. Очень детально и подробно проблема культурных концептов как познавательных констант в пределах русскоязычного социума получила отражение в фундаментальном труде Ю.С. Степанова [2: 2001].

Однако онтологическое и культурное координирование концептов является недостаточным для полноты их статуса как таковых. Необходима практика пользования этими концептами, и она реализуется на следующем, деятельностном, уровне. На этом уровне субъект конкретизируется и отождествляется с определенным индивидуумом, в то время как объект может соотноситься как с обобщенным классом объектов, так и с единичными в своем роде реальными объектами, категоризируемых на координатной сетке культуры как класс.

Это уровень индивидуального опыта, в котором культурная ценность объекта познается как средство удовлетворения индивидуальных потребностей. Время и пространство при этом сужаются до текущей ситуации и измеряются в известных параметрических сетках, соотносимых с личностью: «Я – здесь – сейчас», «ты – рядом –

недавно», «он – там – давно» [3: 224-229]. На этом уровне происходит и необходимая коррекция соотношения содержания концепта с формой его выражения в языке, которая в дальнейшем закрепляется в языковом узусе. Как подчеркивают С. Пинкер и А. Принс, «Даже хотя каждое поколение воспроизводит нерегулярности предыдущих поколений с высокой степенью точности, изменения окказионально проникают в систему. Это можно охарактеризовать как своего рода конвергентную эволюцию определенных форм» [4: 243].

Таким образом, факторы времени и пространства как онтологические категории бытия имеют место на всех уровнях предметной категоризации объектов действительности и мысли. Несомненно, эти факторы транспонируются и на аксиологическую сферу познания с учетом специфики концептов данной сферы. Концепт на концептоцентристском уровне в обыденном аксиологическом сознании не обязательно фиксируется как ценность, а понимается как познавательная данность. Тем не менее, они представляют собой ценности при познавательном подходе к концепту. Это выражается в том, что они получают номинации. Если бы они не имели отношения к субъекту, то у этих концептов не было бы не только имен, но и вообще у социума отсутствовало бы понятие о них. В обыденном сознании на пропозициональном уровне они трактуются как ценности, а с когнитивной точки зрения представляют собой ценностные отношения. Переходя на деятельностный уровень, в обыденном сознании они получают статус мыслительной оценки, а при когнитивном подходе они представляются как оценочные отношения. Наконец, уровень актуализированной в речевом общении оценки предполагает их выравнивание в этом статусе.

То, что в обыденном сознании оценка ассоциируется с когнитивным оценочным отношением, можно выразить в следующем примере. На вопрос «Как ты оцениваешь данную ситуацию?» возможен ответ: «У меня сложилось определенное мнение, но я не знаю, как это выразить». Иными словами, слово *оценка* в русском языке многозначно с этих позиций; с одной стороны, это определенное мнение (оценочное отношение), а с другой стороны, это экспликация данного мнения лингвистическими или паралингвистическими средствами (оценка).

Роль времени как неотъемлемого фактора формирования знания была бы освещена неполно без его понимания как когнитивной среды общего процесса формирования знаний. Для этого следует обратиться к понятиям онтогенеза и филогенеза языкового развития. Следует сразу же оговориться, что данное освещение не претендует на исключительную полноту и лишь в общих чертах описывает динамику закрепления и употребления ценностей и оценок в сознании и в коммуникации.

Понимая онтогенез и филогенез человеческого когнитивно-языкового опыта как взаимосвязанные явления, в качестве исходной точки мы берем индивида вне зависимости от степени его знакомства с миром реальности и его умения формировать квалификативные суждения. Предположим, отдельный индивид встречается с явлением, с которым он до сих пор не сталкивался. Можно смело утверждать, что его первичным инстинктом будет не желание отнести данный объект к одной из семантических категорий, а желание «примерить» этот объект для себя, для актуального, или перспективного использования, или потенциала использования (или в случае отрицательного опыта первого знакомства, «неиспользования») предмета при возможном повторном отношении к нему. В результате субъект *оценивает* предмет, и между ними устанавливается оценочное отношение. Прежде чем отнести объект к категории, субъект формирует ценностное отношение к данному объекту и формирует это отношение в своем когнитивном опыте в виде ценности или антиценности. После этого данная ценность или антиценность закрепляется в сознании как концепт, как компонент денотативной категории. Таким образом, в филогенезе вектор познания сущности предмета и его места во времени и пространстве направлен от уровня личного опыта (в аксиологической парадигме категоризации это уровень оценочного отношения) к уровню отнесения места объекта в объективистской парадигме мышления (уровень ценности).

Как представляется, в предложенной схеме становления ценности в сознании и в языке лежит общий принцип, сформулированный В.А.Звегинцевым: «Деятельность человеческого общения, имеющая своим содержанием объективную действительность в ее глобальной суммарности, хотя и использует язык, “образует” ситуацию первично в речи, оперирующей “смыслами”, соотносимыми с вычлененными фрагментами ситуации, и лишь затем в уже препарированно-дискретном виде речь может переадресовать это содержание в распоряжение языка, где оно отлагается в виде лингвистического значения, пополняя золотой фонд человеческих знаний» [5: 189].

Дальнейшее использование концепта субъектом для удовлетворения личных потребностей происходит уже в онтогенетическом разрезе. Субъект сообразует свое представление о сущностных и ценностных свойствах объекта уже с опытом понимания и использования концепта этого предмета социумом. При повторном предьявлении объекта субъект формирует свое мнение об объекте (оценка в мышлении в обыденном сознании, и, соответственно, уровень оценочного отношения в когнитивно-аксиологическом научном понимании), проводя его через призму ценностного отношения социума и себя как части этого социума. Тем самым в обыденном мышлении субъект соотносит данный объект как реально существующий в текущей ситуации с его внеситуативной ценностью. Таким образом, в аксиологически ориентированном онтогенезе вектор понимания объекта направлен «сверху вниз», от понимания концепта как общечеловеческой денотативной ценности до его квалификации в оценочном отношении. Можно также утверждать, что оценка создает ценность, а ценность – оценку. Поскольку оценка является формой ценности, а ценность – содержанием оценки, они не существуют друг без друга. В этом отношении мы полностью согласны с Т.Р. Княком, который утверждает: «Форма, являясь наследием содержания, в определенной мере создает его» [6: 76].

Онтогенетическая стадия личного опыта является обязательным предварительным этапом концептуализации объекта. Как утверждает К. Лоренц, «всякий раз, когда нам удастся соотнести какой-нибудь элемент нашего опыта с «субъективным» фактором, а затем исключить его из формируемого нами образа экstrasубъективной реальности, мы оказываемся на шаг ближе к тому, что бытийствует независимо от нашего познания... Мир объектов, материальный мир нашего опыта обретает адекватную форму только после элиминации всего субъективного и случайного» [7: 44].

С временной точки зрения онтогенез и филогенез, как известно, представляют собой проекции индивидуального и общечеловеческого времени. Но они существенно отличаются и в количественном плане. Онтогенетическое познание объекта длится в течение гораздо меньшего срока, нежели когнитивная обработка информации о нем, полученной из непосредственно чувственного опыта. В ходе филогенетического познания вырабатывается своего рода «привычное» коллективное понимание объекта в виде концепта. О роли ценностных категорий ПРИВЫЧНОЕ и НЕОБЫЧНОЕ в формировании ценностных и оценочных отношений будет сказано ниже.

Завершая анализ роли категорий времени и пространства, следует сказать и об их собственно метаоценочной функции. Осознание их в таком категориальном статусе неизбежно ведет к тому, что они объективно присутствуют в имплицитном и эксплицитном виде в предикативном ядре языковых оценочных высказываний. Даже при внешне нейтрально-оценочной актуализации лексем *time* и *space* во многих случаях четко ощущается речевая квалификация действительности [8: 2006]. Экспликация времени и места находит отражение в высказываниях типа «Сейчас не время /не место для ...», «Нашел время/место!» и им подобным. Можно привести другие примеры такого наиболее общего оценочного использования концептов ВРЕМЯ и ПРОСТРАНСТВО.

Так, в частности, ВРЕМЯ может подвергаться различным воздействиям; оно может теряться, его можно иметь в достатке или в дефиците, его может не хватать, им можно быть ограниченным, стесненным и т.д., в конце-концов, может быть *самое время* для определённого вида деятельности. Это, кстати, характерно для различных языков, не только для определённой языкового кода:

Флот султана всегда был готов к войне, но армия совсем не готова, и Мустафа III возвратил престол Крым-Гирею; за это хан должен, не теряя времени на раздумья, обрушить внезапный и небывало мощный удар на Россию и Польшу... (В. Пикуль. Фаворит).

Корній, чабан правої руки, зсупулений, зморщений, як стручок, хоча літами й не старий, вважає, певне, що зараз саме час наскаржитись льотчикові на свого сусіда – полігон (в Корнія це вже стало звичкою – на все на світі скаржитись) (О. Гончар. Тронка).

“You need to hurry home, Sandy. We’ll have plenty of time to talk later” (Saki. The She-Wolf).

Then, over coffee, she said, abruptly, ‘Michael, I think it’s time to get a divorce. I can’t go on hanging in limbo like this for ever’ (Shaw. The Top of the Hill).

Если говорить о стилистических потенциалах концепта ВРЕМЯ, то в оценочной ситуации он становится мощным средством экспрессивного описания реального или вымышленного фрагмента действительности, что, вне всякого сомнения, является средством если не прямой, то опосредствованной оценки действительности, как в следующем примере:

Чубенка оточили бійці з гвинтівками в руках, і тут ледве помітний світанок став ширяти над лісом. Це був час страшної безбарвності, час моторошної сірості, коли закониться день після нічної тиші (Ю.Яновський. Вершники).

Собственно говоря, то же самое можно сказать о ПРОСТРАНСТВЕ. Собственно, говоря, философская категориальная взаимосвязь этих основных измерений действительности диктует и параллелизм речевых структур, в которых эти концепты актуализируются. Как и в случае ВРЕМЕНИ, ПРОСТРАНСТВА (а точнее, МЕСТА) может не хватать или, наоборот, быть в избытке и т.п.:

– Меняет! – заорал Жеглов. – Меняет! Потому что без моего вранья ворюга и рецидивист Киртич сейчас сидел бы не в камере, а мы дрыхли бы по своим квартирам! Я наврал! Я наврал! Я засунул ему за пазуху кошель! Но я для кого это делаю? Для себя? Для брата? Для свата? Я для всего народа, я для справедливости человеческой работаю! Попускать вору – наполовину соучаствовать ему! И раз Киртич вор – ему место в тюрьме, а каким способом я его туда загоню, людям безразлично! Им важно только, чтобы вор был в тюрьме, вот что их интересует (А.и Г. Вайнеры. Эра Милосердия).

Возії позлізали з возів і теж стали ходити і вишукувати місця, де б зручніше підмостити спину (В.Вінниченко. Біля машини).

I don’t plan to stand there long. Anyway, this is no place for me. The people here look at me as though I’m an animal in the zoo’ (I.Shaw. Rich Man, Poor Man).

Как и языковые средства выражения концепта ВРЕМЯ, соответствующие средства выражения концепта ПРОСТРАНСТВО обладают высокими прагматико-стилистическими потенциалами. В частности, наше внимание привлёк известный случай актуализации высказывания чужого языка для оценочной характеристики сложившейся ситуации, который, как представляется, обладает высокими экспрессивно-оценочными потенциалами именно за счёт того, что ключевой лексемой для характеристики является соответствующее слово немецкого языка *der Raum* («пространство»):

– Der Krieg muss im Raum verlegt werden. Der Ansicht kann ich nicht genug Preis geben, [Войну необходимо перенести в пространство] – говорил один.

– Да, im Raum verlegen, – повторил, злобно фыркая носом, князь Андрей, когда они проехали. – Im Raum-то у меня остался отец, и сын, и сестра в Лысых Горах. Ему это все равно. Вот оно то, что я тебе говорил, – эти господа немцы завтра не выиграют сражение, а только нагадят, сколько их сил будет, потому что в его немецкой голове только рассуждения, не стоящие выеденного яйца, а в сердце

нет того, что одно только и нужно на завтра, – то, что есть в Тимохине. Они всю Европу отдали ему и приехали нас учить – славные учителя! – опять взвизгнул его голос (Л.Н. Толстой. Война и мир. Т. 3).

Многочисленными являются также случаи оценочного хронотопа, когда категории времени и места выполняют общие функции наличия или отсутствия объекта действительности или мысли, имеющие оценочную квалификацию такого наличия или отсутствия в силу того, что они являются значимыми, а следовательно, имеющими определённую ценность в данной ситуации речевой актуализации, как, например, в следующем случае:

Но придет ли когда-нибудь пароход? Существует ли он на самом деле? Или это призрак, для которого вовсе нет никакого места, никакого срока и который плывет сейчас, может быть, по другой реке и другой туман стоит за его кормой? (Р. Фраерман. Дикая собака Динго).

Естественно, данные примеры не раскрывают всей полноты значения онтологических категорий времени и пространства в формировании аксиологических оценочных категорий и тем самым в формировании аксиологической стороны языковой картины мира. Факторы временного и пространственного плана получают дальнейшее рассмотрение в рассмотрении проблем, непосредственно относящихся к исследованию принципиальных основ оценочной категоризации.

В заключение следует заметить, что исследование аксиологического содержания этих категорий получило достаточно весомую разработку в лингвистических исследованиях. В частности, пространственно-параметрические аспекты оценочного содержания получают интересную разработку в работах Н.К. Рябцевой [9: 111], В.Г. Гака [10: 131-132], Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелева [11: 195-200], Е.В. Пупыниной [12: 88-97] и др. Аксиологические характеристики семантической категории времени находят отражение в работах И.М. Богуславского [13: 227-302], М.Г. Лебедько [1] и др.

Таким образом, определение статуса категорий ценности и оценки в общей парадигме мышления имеет важное значение для выработки методологических оснований структурирования этих категорий как важного средства рубрикации опыта квалификации действительности в сознании и применения данного опыта в процессе коммуникации.

Список литературы

1. Лебедько, М.Г. Время как когнитивная доминанта культуры. Сопоставление американской и русской темпоральных концептосфер / М.Г. Лебедько. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2002. – 240 с.
2. Степанов, Ю. С. Константы : словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Академ. Проект, 2001. – 990 с.
3. Степанов, Ю. С. В трехмерном пространстве языка : семиотич. пробл. лингвистики, философии, искусства / Ю. С. Степанов ; АН СССР, Ин-т языкознания. – М. : Наука, 1985. – 335 с.
4. Pinker, S. The Nature of Human Concepts: Evidence from an Unusual Source / S. Pinker and A. Prince // Language, Logic and Concepts : essays in Memory of John Macnamara / Ed. By R. Jackendoff, P. Bloom and K. Wynn. – L. - Cambridge (Mass), 2002. – P. 221-261.
5. Звегинцев, В.А. Мысли о лингвистике / В.А. Звегинцев. – М.: Изд-во МГУ, 1996. – 336 с.
6. Кияк, Т.Р. Форма і зміст мовного знака / Т.Р. Кияк // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. – № 635. – Харків: Константа, 2004. – С. 75-78.
7. Лоренц, К. По ту сторону зеркала : исследование естественной истории человеческого познания / К. Лоренц // Эволюция. Язык. Познание : сб. / РАН, Ин-т философии. – М., 2000. – С. 42-69.
8. Чекулай, И. В. Время и пространство в формировании категориальных оснований оценки / И. В. Чекулай // Единство системного и функционального анализа языковых единиц : материалы Междунар. науч. конф., 11-13 апр. 2006 г. : В 2 ч. / БелГУ ; под ред. О. Н. Прохоровой, С. А. Моисеевой. – Белгород, 2006. – Вып. 9. – С. 204-209.

9. Рябцева, Н. К. Размер и количество в языковой картине мира / Н. К. Рябцева // Логический анализ языка. Языки пространств / РАН, Ин-т языкознания ; отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. – М., 2000. – С. 108-116.

10. Гак, В. Г. Пространство вне пространства / В.Г. Гак // Логический анализ языка : языки пространств / РАН, Ин-т языкознания ; отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. – М., 2000. – С. 127-134.

11. Булыгина, Т. В. Языковая концептуализация мира : на материале рус. грамматики / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. – М. : Школа «Языки рус. культуры», 1997. – 576 с. – (Язык. Семиотика. Культура).

12. Пупынина, Е.В. Механизм формирования концепта «ПРОСТРАНСТВО» синонимичными существительными абстрактной семантики: диссертация...канд.филол.наук.-Белгород, 2004. – 172с.

13. Богуславский, И. М. Сфера действия лексических единиц / И. М. Богуславский. – М. : Школа «Языки рус. культуры», 1996. – 464 с. : ил. – (Studia Philologica).

THE CATEGORIES OF TIME AND SPACE AS THE REFLECTION OF THE ONTOGENESIS AND PHYLOGENESIS OF VALUE AND VALUE-RELATION

I. V. Chekulai
O. N. Prokhorova

Belgorod State University

e-mail:
chekulai@bsu.edu.ru,

prokhorova@bsu.edu.ru

The article suggests such important categorial grounds for expression values in the form of evaluative speech utterances as the categories of time and space. The genesis of value and evaluative relations is a kind of evolutionary process which takes place in time and space where the values are accumulated in the stride of actualization of speech utterances, and in their turn, they give certain material to qualitatively perfection of evaluative means. Thus the temporal and spatial factors as representations of the ontological categories of existence take place in each level of reality-objects' categorization as well the one of thought. The categories of Time and Space being at the same time the concepts, they can perform meta-evaluative function as well, i.e. they make the categorial and object basis of creating qualification and evaluative utterances.

Key words: time, space, value, evaluation, ontogenesis, phylogenesis, meta-evaluative function.